

— Сергей Юрьевич, поскольку основные читатели нашей газеты — молодые, им, очевидно, будет интересно узнать, как вы выбирались вами профессия, как обреталось призвание.

— Колебаний в выборе профессии у меня не было. Я ленинградец. Вырос в актерской семье. Отец в годы моего детства работал режиссером цирка, позднее руководил Ленинградским театром комедии и Ленинградской эстрадой. С детства я стремился в театр.

Так случилось, что с первой попытки я не попал в школу-студию МХАТа, меня не приняли, и с помощью своей золотой медали я без экзаменов поступил на юридический факультет Ленинградского университета.

— Не поколебалось ли тогда ваше решение, не было ли это изменой театру?

— Будучи студентом IV курса и почти увлекшись юридическими науками, я перешел на 1-й курс Ленинградского театрального института, руководимый профессором Макарьевым. А годы в университете были не напрасными. Ведь в актерской профессии, где так расплывчат круг получаемых знаний, очень полезны всякие точные знания. И еще: там мне посчастливилось встретиться с замечательным драматическим коллективом, которым руководила Евгения Владимировна Карпова. Доказательство серьезности нашего коллектива хотя бы в том, что из 35 тогдашних участников 20 работают сейчас в профессиональных театрах. Но серьезность нашего коллектива заключалась не в том, что мы подражали профессионалам и старались играть, как в «настоящем театре» — скорее в обратном, мы искали свое, непохожее на профессиональный театр лицо, мы старались выразить свое понимание жизни. Это был университетский театр в полном смысле этого слова, театр образованных людей. Наш спектакль, поставленный в начале 50-х годов по пьесе Л. Леонова «Обыкновенный человек», своим уровнем мыслей соответствовал тем поискам, которые начались в профессиональном театре несколькими годами позднее.

— Как началась ваша профессиональная актерская судьба?

— Счастливо. В 1957 году, когда я был студентом II курса, меня пригласил в БДТ недавно возглавивший его Георгий Александрович Товстоногов. Примерно в это же время были приглашены туда Смоктуновский, Лебедев, Лавров, Дороница, Басилашвили, в театре нас встретили Копелян, Стрельчик, Макарова. Я оказался среди людей, которых привык уважать как зритель. Я там учился.

Театр в то время был очень смел в назначении актеров на роли, и я смог сразу заявить о себе как актер в спектакле «В поисках радости», где получил роль Олега.

— Ведете ли вы счет, сколько всего сыграли ролей, спектаклей?

— Я вообще все считаю... ступеньки на лестнице, фонари на дороге, количество станций на пути...

Всего я сыграл 2608 спектаклей, сделал вместе с эстрадой 41 работу, снялся в 10 фильмах.

— Есть ли у вас любимые роли и какие?

— В театре все изменчиво. То, что сегодня считаешь лучшим, завтра оказывается устаревшим. Любил Олега. Любил Чацкого, играл его в Москве, в Лондоне, в Берлине, Праге, других городах, всего 179 раз, хотя всегда играл его трудно. Очень любил Илика, первого своего старика в комедии Думбадзе «Я, бабушка, Илика

ТЕАТР НА ВСЮ ЖИЗНЬ

Имя и творчество заслуженного артиста РСФСР Сергея Юрского широко известно. Сергей Юрский — один из ведущих артистов Ленинградского Большого драматического театра имени Горького, участник многих кинофильмов, исполнитель ряда литературных программ на концертной эстраде.

Недавно приглашенный Горьковской государственной филармонией, Сергей Юрьевич Юрский был гостем нашего города и выступил с несколькими концертами. Большой Кремлевский зал не мог вместить всех желающих попасть на эти концерты.

Для всех, кто любит искусство и интересуется творчеством этого замечательного актера, мы публикуем запись нашей беседы с Сергеем Юрьевичем Юрским, которую по просьбе редакции провела Анна Кузнецова.

и Илларион», и играл его всегда легко.

Сейчас люблю профессора Полежаева.

— От Олега до профессора Полежаева за 14 лет работы в театре вы состарились больше чем на 50 лет. Нравится ли вам играть стариков?

— Я вообще полюбил ощущение старости, тему конца человеческой жизни, возможность ретроспективно взглянуть на всю прожитую жизнь. Сейчас в театре я играю только стариков и во всех пьесах — «Беспокойная старость», «Герих IV», «Два театра» — умираю. Мне даже кажется, что от этого я сам начал болеть, сердце стало пошаливать...

— Сергей Юрьевич, мне довелось видеть ряд ваших театральных работ: Дживола в «Карьере Артуро Уи», Тузенбаха в «Трех сестрах», Илика, вашего Остаса Бендера в кино, ваши выступления на эстраде, мне кажется, что ваш путь к лирике всегда идет через эксцентрики, что в ваших работах всегда соединяются лирика и клоунада. Можно ли это считать особенностью вашей актерской манеры?

— Именно такое сочетание, такую лирическую эксцентри-

ду я попробовал впервые в Олеге. В какой-то степени это, очевидно, у меня от отца. Он не был человеком комического склада, скорее трагического, а его профессией было заставлять зрителя смеяться. Я привык считать, что главное умение актера — заставить зрителя смеяться, на этом налаживаются контакты. Бывают актеры прямого романтического и трагического склада, и среди них очень хорошие, я к таким не принадлежу.

— Как же вы тогда работали над образом Чацкого?

— Это было неожиданным для меня назначением. Роль эта меньше других связана с перевоплощением, она требует прямого драматизма, но Г. А. Товстоногов и здесь использовал некоторую эксцентричность, свойственную моей индивидуальности.

— Можно ли считать вашу актерскую манеру сложившейся и неизменной?

— Одна из последних моих работ в театре — полицейский Виктор Франк в пьесе Артура Миллера «Цена». Многие мои друзья не приняли эту работу и были разочарованы. «Теперь с вами неинтересно», — говорили они. Здесь я искал со-

всем другой театр, я бы сказал — антитеатр, подлинную достоверность, предельную скромность выразительных средств, при полной построенности кажущееся отсутствие формы. И я ни на минуту не поколебался в таком решении.

— Удовлетворены ли вы нынешним состоянием театра и что вы думаете о его будущем?

— Думаю, что он должен обновиться. Есть еще бесконечные резервы. Мне они видятся, например, в спектаклях «Гамлет» Юрия Любимова и «Ромео и Джульетта» Анатолия Эфроса, в них каждая секунда новая, старых нет.

— Какие ваши личные намерения в плане поисков этого нового театра?

— Сейчас у меня очень интересная работа, я делаю для нашего театра новый сценический вариант пьесы М. Булгакова «Мольер», добавляю туда куски из самого Мольера, из его пьес «Летающий доктор» и «Версальский экспромт», готовлюсь ставить эту пьесу и, очевидно, играть роль Мольера.

— Ваши литературные пристрастия?

— Их в какой-то степени отражает афиша моих концертов: Пушкин, Достоевский, Есенин, Пастернак, Булгаков, Володин... Все это выбрано по любви. Но и здесь все изменчиво. Сейчас я увлекся последними произведениями Юрия Трифонова «Обмен», «Предварительные итоги», «Долгое прощание», нравится мне Василь Быков.

— Как совпадают ваши читательские и творческие привязанности?

— Часто не совпадают. Такое долгое несовпадение было у меня с Хемингуэем. Я обожал его как читателя, а как выразить, не представлял себе. И только через много лет нашел пути воплощения его романа «Фиеста». Помог спор с Г. А. Товстоноговым, который считал, что это невозможно. Помогла поездка в Париж, когда я, никогда раньше не бывавший в этом городе, но знавший наизусть «Фиесту», прошел через весь Париж маршрутом Джейкоба Барнса, посидел в каждом кафе, в котором он бывал, поговорил с каким-то из похожих на его официантов. Весь прошлый год я работал над телевизионным фильмом «Фиеста», сейчас он вышел, большой, трехчасовой. Там снимались актеры Тенякова, Волков, Стрельчик, Рецеттер, Барышников; не нам теперь судить, насколько он получился.

— Что вас как режиссера и художника взволновало в этом произведении?

— Возможность очень искреннего разговора о мнимых и подлинных праздниках жизни. Удовлетворение мелких желаний порождает все больше мелких желаний, и крупные постепенно совсем исчезают. А есть стоическое отношение к жизни, это творчество. Нам казалось, что в романе эта мысль должна стать главной, мысль о празднике, который всегда с тобой.

— Есть ли у вас какая-нибудь своя личная тема в искусстве, которая вас волнует больше всего?

— Меня волнует проблема человеческой индивидуальности, внутренней свободы человека, когда в искусстве это есть, все становится осмысленным. А мы иногда рассказываем и показываем то, что всем ясно, по принципу: «Посмотрите еще раз...».

— Ваши увлечения...

Сергей Юрьевич смотрит на меня удивленно: «Театр, эстрада...».

Очевидно, этого ему хватит на всю жизнь.